

Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев)

Библеистика в Русской Православной Церкви в XX в.

1. Библеистика и научная школа

Среди комплекса богословских дисциплин библеистика, то есть изучение Священного Писания, – равно как ряд других предметов, таких, как церковная история, литургика, патрология, обладает более выраженным научным характером. Разумеется, не в смысле апробации через эксперимент, как в естественных науках. Но в том смысле, что в указанных дисциплинах мы имеем дело с духовным фактором, «материализовавшимся» в конкретный материальный факт или в конкретный текст.

Как Слово Божие Воплощенное вочеловечилось, впитав в Себя долгую историю предшествовавших поколений, что действительно подчеркивают родословные Господа Иисуса Христа в Мф. 1, 1–17 и Лк. 3, 23–38, так и Священные Письмена христианства имеют долгую родословную, впитав в себя потоки, льющиеся из многих источников, начиная от тех, которые едва различимы в глубочайшей древности и кончая боговдохновенными писаниями апостольского века. И этим Священное Писание принципиально отличается от текстов, признаваемых священными в иных религиях в силу того, что они либо непосредственно «сошли», либо непосредственно «продиктованы» «с небес». Последние не допускают к себе отношения иного, нежели позы благоговейного поклонения, исключающего всякое прикосновение или суждение. Священное же Писание Церкви априори предполагает благоговейного и любящего прикосновения, суждения, которое, питаемое благоговением и любовью, должно привести к еще большей любви и благоговению (ср. Ин. 20, 27).

Итак, Священное Писание несет в себе конкретные тексты, не только доступные суждению (критике), но и предполагающие таковое, то есть научное к себе отношение. Просвещеннейшие деятели русской богословской науки последних двух столетий прекрасно это осознавали. Но вот что пишет по этому поводу проф. Н. Н. Глубоковский: «Всякая наука для своего развития требует хорошей специальной школы и широкой образованной аудитории. Без первой она лишается питающего источника и объективного

фундамента, без второй, – не будучи нигде и никем воспринимаемой, – не находит для себя жизненных корней, прозябает, чахнет и вянет, как тепличное растение в неблагоприятной обстановке. По отношению к русскому научному богословию оба эти условия долго отсутствовали» (Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928). И далее проф. Глубоковский продолжает: «Русскому научно-богословскому ведению приходилось больше собирать и усвоить, чем творить и обогащать». Не очень утешительный вывод, приводящий если не к пессимизму, то к весьма скромной самооценке. И если, несмотря на это, далее наш научно-церковный авторитет разворачивает перед нами довольно широкую и богатую панораму развития различных богословских дисциплин в России, то, приступая к обзору русской православной библиеистики (он ее называет библиологией), он не находит для нее не только каких-то положительных, но и вообще никаких слов, если не считать обзора трудов русских славистов, а также упоминаний о переводах Священного Писания на русский язык. И это при том, что сам Н. Н. Глубоковский был воистину непревзойденной сокровищницей познаний в области новозаветной науки своего времени, а также в областях, примыкающих к критической экзегезе Нового Завета (иудаика, ранний гносис, эллинистическая философия и т. д.). Описывать собственные достижения он из научной скромности не посмел, а других библиеистов, не то чтобы равных себе, но хотя бы как-то приближающихся к его уровню, он из научной честности вокруг себя просто не видел.

Думаю, всем достаточно хорошо понятны причины, по которым русским православным библиеистам «приходилось» быть больше собирателями, коллекционерами чужих достижений и неудач, чем творцами и приумножателями. Исторически сложилось так, что научная библиеистика слишком долгое время была уделом протестантского мира. Ее выводы и суждения, что присуще всякой науке, вступали в видимое противоречие с прежними научными, а тем более – с донаучными взглядами. При отсутствии научной школы и традиции, то есть при неумении различать между подлинной фундаментальной наукой и произвольными псевдонаучными суждениями, которыми столь богат XVIII и XIX в., всякий критический подход к Священным текстам представлялся опасным и разрушительным для веры. Здесь вспоминаются слова Преосвященного Филарета (Гумилевского), архиепископа Черниговского: «Поверхностное знание отдаляет нас от религии, основательное – опять возвращает к ней».

Отсутствие научной школы, о которой писал проф. Глубоковский, приводило к исторически объяснимому страху перед

наукой (в данном случае библеистикой) вообще. Над наукой и учеными начинала господствовать идеология, мнимо, хотя и искренне считавшая себя верой. Ну а к чему может вести господство идеологии над наукой, всем хорошо известно из давних примеров с астрономией или из недавних с генетикой или кибернетикой. Разумеется, без столь трагических результатов, но давление идеологических установок в XIX в. испытывали на себе многие исследователи Священного Писания, начиная со св. Филарета, митрополита Московского.

Следует сказать, что отчуждение от научно-критической библеистики длительное время было характерно в равной степени для Православной и для Римско-католической Церквей. И там и там в богословских кругах интеллектуальные силы занимали оборонительно-апологетическую позицию. Однако неумолимая логика вещей на грани столетий привела к тому, что и в той и в другой Церкви проросли семена зарождения научно-библеистических школ. Применительно к Православию тогда можно было говорить только о Российской Православной Церкви с ученым потенциалом ее Духовных академий. Школа же для достижения своей зрелости требует не одного поколения профессуры, накапливающих знания и вырабатывающих традицию. История не предоставила нашей Церкви благоприятных возможностей, чтобы ученый потенциал выявил себя как полноценное творческое действие. Семена проросли, но всходы были вскоре задушены или вырваны с корнями. Нет нужды распространяться о хорошо всем известных фактах. Эмиграция некоторое время еще подавала признаки библеистического творчества, но в отрыве от родной питающей почвы никакой школы она создать была не в состоянии.

Предпосылки для появления церковной школы библеистики принесло послевоенное возрождение Духовных учебных заведений Московской Патриархии. Предпосылки (пребывающие донныне), но не реальные возможности. В конце XX столетия если и можно говорить о православной библеистической школе, то ее (и то лишь в становлении) можно распознать только в университетах Афин и Фессалоник.

2. Русская православная библеистика в XX столетии

Из вышесказанного ни в коем случае не следует, что зародившаяся в XIX и продолжившаяся в начале XX в. русская библеистика осталась без плода. Силою исторических обстоятельств она не смогла составить школу (или школы), но интенсивность ее деятельности была подобна взрыву. За несколько десятилетий

пришлось осваивать путь нескольких столетий протестантской науки. И не только освоить этот путь, но и творчески переработать колоссальный материал (достаточно взглянуть на море критически осмысленной литературы проф. Глубоковским в его трудах по Новому Завету!).

Основными достижениями и успехами наша церковная наука в сфере изучения Библии была обязана библейской филологии. Естественно, в первую очередь это касается отечественной славистики (оставлю суждение о ней специалисту в этой области). Критическое изучение церковно-славянской Библии проделало до революционных событий колоссальный путь, и этот путь продолжается с немалыми успехами в настоящее время. Так что здесь мы имеем дело, пожалуй, с единственной возникшей школой, существующей поныне. На примере славистики можно ощутить то расстояние, которое отделяет научный от донаучного подхода к предмету. Говоря о последнем, проф. Глубоковский замечает: «Временами как будто носилась идея «канонизации» славянской Библии, но это была, собственно, мимолетная мечта лишь латинствующего обер-прокурора графа Н. А. Протасова, который... иногда под именем православия принимал мнения латинские...»

Немалые успехи были у отечественной гебраистики. Этим успехам еще в прошлом столетии мы обязаны появлением высококачественного Синодального перевода Ветхого Завета на русский язык. Производилась тщательная экзегеза некоторых книг (в частности, Псалмов Давида, свящ. Н. Вишняков). До сих пор, кажется, эта работа не освоена и не оценена.

Споры вокруг сравнения Масоретского текста и Септуагинты, столь увлекавшие российских библеистов в XIX в., к началу XX в., кажется, затихли, хотя данный предмет оставляет простор для дальнейших размышлений. Принципиально же отношение к данной проблеме проф. Глубоковский выразил так: «Не признаваемый аутентичным, греческий перевод 70-ти остается для русской церковно-богословской науки параллельным по тексту с еврейским и преобладающим по мессианскому освещению библейского содержания, наиболее обязательным здесь и по церковной традиции, и по рациональным соображениям». В связи с последним высказыванием наша Церковь стоит перед задачей перевода Септуагинты на русский язык, задачей, которую тот же проф. Глубоковский назвал «великим научно-церковным подвигом». Следует указать, что подвигу этому было уже положено начало: в начале века были опубликованы переводы Псалмов еп. Порфирия (Успенского) и переводы книги Бытия, Пророков и некоторых других книг проф. Казанской Духовной академии П. А. Юнгера.

К числу самых больших по объему работ по библеистике, появившихся в начале XX в., несомненно следует отнести издание многотомной «Толковой Библии» под редакцией А. П. Лопухина. Мы должны быть благодарны коллективу авторов этого труда, очень неоднородного по своему научному качеству, но изначально и не претендующего быть научным комментарием, будучи пособием для широкой читательской аудитории. Что касается научно комментированной Библии, то эта задача, кажется, сегодня не по плечу нашей церковной науке, но, разумеется, остается самой приоритетной для грядущих десятилетий.

Оставляя суждение о ветхозаветной экзегетике для профессионалов, хочу отметить достижения в новозаветных исследованиях. Таковых достижений, увы, совсем немного. Собственно, как недостижимая вершина здесь выделяется лишь одна личность, уже многократно упоминавшийся проф. СПбДА Н. Н. Глубоковский. Человек необычайной работоспособности, он опубликовал около сорока крупных исследований и свыше сотни статей преимущественно по новозаветной исагогике, экзегетике, а также по библейской (греческой) филологии. В рамках доклада нет возможности сделать даже краткий обзор его творчества. Отмечу лишь наиболее заметные направления его научного интереса.

Совмещая исследовательскую и преподавательскую деятельность, неся церковное послушание в области зарождавшегося экуменизма, проф. Н. Н. Глубоковский испил горькую чашу изгнанничества. Многие из написанного им было опубликовано, многое погибло в пожаре последней войны, многое ждет изучения и опубликования, скрываясь в архивах. И надо сказать, что большая работа по изучению рукописей Глубоковского ведется, в частности, в Санкт-Петербургской Духовной академии (под руководством проф. прот. Владимира Сорокина).

Преимущественные интересы Глубоковского в изучении Нового Завета были сосредоточены на св. Апостоле Павле и на синоптических Евангелиях, хотя уделил он внимание и книге Деяний святых Апостолов и Откровению св. Апостола Иоанна Богослова.

Что касается синоптических Евангелий, то конспекты его лекций, издававшихся на правах рукописей в конце XIX – начале XX вв., свидетельствуют о том, что он хорошо понимал: перед отечественной, да и западной, новозаветной наукой стоял тогда так называемый синоптический вопрос. Руководствуясь, как представляется, прежде всего апологетической целью, Глубоковский весьма обстоятельно и успешно критикует многочисленные к тому времени гипотезы разрешения синоптической проблемы, обосновывая традиционную, восходящую к блаж. Августину гипотезу ли-

тературной взаимозависимости евангелистов «в том порядке, в каком Евангелия расположены в настоящее время» (Христианские чтения. 1898. Т. 206. С. 377). Следует заметить, что господствовавшая в XX в. «теория двух источников» в ее подробностях Глубоковскому, по-видимому, еще не была известна. Поэтому он не уделил ей должного внимания, хотя знать его просвещенное мнение по этому вопросу нам было бы так важно сегодня. Забегая вперед, обращая внимание уважаемого собрания на одно очень важное начинание в нашей Церкви: недавно появившуюся работу по данной теме московского священника о. Леонида Грилихеса «Археология текста: сравнительный анализ Евангелий от Матфея и Марка в свете семитской реконструкции» (М., 1999).

Там же проф. Глубоковский высказывает твердое убеждение, что перед судом истинной науки всегда будет господствовать принятое раз и навсегда положение: «наши Евангелия написаны свв. Матфеем, Марком, Лукою и Иоанном и явились – первые три во второй половине I века, а четвертое – в конце его, не позднее самого начала II века» (Вера и разум. 1896. С. 423). Изучить аргументацию такого решительного заявления нам еще предстоит.

Однако значительно больше внимания проф. Глубоковский уделил посланиям св. Апостола Павла и самому Апостолу. Среди его трудов мы не найдем подробных комментариев на целые послания, но ценных экзегетических замечаний его интерес сосредоточен на исагогике. Все эти труды, несомненно, очень ценны и по сей день, хотя и требуют критического осмысления. Но есть один труд Глубоковского, который воистину можно назвать энциклопедическим: «Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское исследование» в трех книгах. Это научное исследование подробнейшим образом разъясняет и доказывает ту истину, которую сам св. Апостол выразил в словах: *возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое; ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа* (Гал. 1, 11–12). Именно эти слова поставлены были проф. Глубоковским на заглавном листе его труда.

Три книги, объединенные этой общей темой, включают в себя большой ряд работ многих лет, но именно общность темы придает им характер монографии. И надо сказать, что по объему эта монография, кажется, превосходит все когда-либо написанное об Апостоле Павле. Что же подвигло профессора на создание этого гигантского произведения? Разумеется, любовь к предмету изучения. Но более конкретно – все же полемически-апологетические стремления. Обильная критическая литература XIX в. часто изображала богословие св. Апостола как мозаику всевозможных

влияний: раввинистического, эллинистически-иудейского, стоического и т. п., не оставляя места одному – влиянию Божественному. Опровергнуть таковые заблуждения, защитить богодуховенность Апостола языков – вот основная задача, определяющая пафос труда Глубоковского. Но... пыль баталий XIX в. давно улеглась. В конце нашего столетия мало кому в голову придет ступить на тропу войны с давно забытыми авторами, с которыми полемизировал Глубоковский. И было бы весьма печально, если бы столь грандиозный и богатый труд содержал в себе только полемику. К счастью, мы находим в этом труде изобилие экзегетических наблюдений и толкований текста посланий св. Апостола, которые в строго православном духе открывают нам положительные истины его богословия.

После сего краткого панегирика проф. Глубоковскому было бы не совсем честно не отметить один прискорбный момент. Его труды малочитаемы и потому малоизвестны не столько по причине трудности содержащегося в них материала, сколько по причине чудовищной маловразумительности русского языка, на котором они написаны. Этот общеизвестный факт отмечал еще проф. Е. Е. Голубинский (Богословский вестник. 1898. Июль. С. 435).

С эмиграцией проф. Глубоковского из России эмигрирует и новозаветная библеистика. В эмиграции же мы можем указать, пожалуй, лишь на одного ученого мужа, уделившего значительное внимание собственно изучению Священного Писания Нового Завета, на еп. Кассиана (Безобразова). Конспекты его лекций, читанных студентам Православного Богословского института в Париже в 30-е годы, изданы в виде монографии «Христос и первое христианское поколение». Известны также его работы, посвященные Апостолу Иоанну: Евангелию и Откровению. Кажется, у нас до сих пор не оценен по достоинству и его главный труд – перевод на русский язык всего Нового Завета. Критике подверглась лишь текстологическая основа его перевода. Сам же перевод, вполне достойный, хотя и робкий, остался без должного внимания.

Нельзя обойти молчанием и герменевтику в русской православной мысли XX в. В основном она была представлена миссионерски направленными популярными изложениями и толкованиями, разумеется, практически ценными (например, труды прот. Александра Меня), но не претендующими на научную ценность. Однако иногда мы встречаем и весьма оригинальные герменевтические построения. В качестве таковых можно указать на ряд интересных мест из произведений свящ. Павла Флоренского («Не восхищением непщева» – толкование Флп. 2, 6, или толкование Ин. 21, 15–17 в «Столпе и утверждении истины»). При весьма

тонких филологических наблюдениях здесь, правда, толкование предшествовало экзегезе и исподволь определяло ее. Следует упомянуть также толкование Апокалипсиса прот. Сергия Булгакова. Здесь богословие автора вообще обходится без экзегезы, как бы оставляя ее за скобками. Такой «герменевтический процесс» в современном Библейском богословии считается неприемлемым.

3. Вызовы и задачи

XX в. был не только веком удивительных трансформаций в областях естественнонаучных знаний. Библиеистика за 100 лет тоже проделала большой и трудный путь, испытывая взлеты энтузиазма и горечь разочарований. Интерес к Священному Писанию в мире не только не угас, но все более разгорается. Количество монографий по библиеистике, периодических изданий, обществ, конференций неуклонно растет. Число исследовательских статей в этой области может с легкостью поспорить с любой другой наукой.

Были открыты Кумранские рукописи и ряд других древних текстов; кропотливо исследуются манускрипты, давая все новую пищу для текстологических размышлений. Литературная критика источников, казалось, отпраздновала свою победу над материалом. Но последние десятилетия показали, что не все так уж гладко обстоит в этом «королевстве». Один за другим появились новые методы экзегетического анализа: метод истории форм, метод истории редакций, структурный анализ текста. Все это приводило к открытию новых смыслов, ранее скрывавшихся от взгляда читателя и исследователя. Это в свою очередь открывало новые горизонты в герменевтике, в частности для Библейского богословия. Наконец, появилось необозримое множество переводов Слова Божия на множество языков народов мира. Извлеченная из этого общего потока отечественная библиеистика стоит перед теми же задачами, перед которыми она стояла во времена проф. Глубоковского.

С одной стороны, задача усвоения своего утраченного интеллектуального багажа, с другой стороны, задача критического осмысления багажа чужого – посильная ли она? Разумеется, посильна с Божией помощью. Нужны воля, стремление и терпение. Нельзя сказать, что послевоенные десятилетия были бесплодными в этом отношении. В духовных школах РПЦ преподаванию Священного Писания уделяется большое внимание (хотя любой преподаватель посетует на недостаток «часов»), качество преподавания растет. Растет и количество дипломных и курсовых (кандидатских) сочинений по библиеистике. Разумеется, до сих пор подавляющее их число носило обзорный или компилятивный харак-

тер. Но ведь и это было необходимо. Еще в 1897 г. проф. Глубоковский рекомендовал черпать богатый материал в обширном запасе западной научной литературы, материал, из которого опытный богослов «может сделать соответствующие переработки для специально-школьных целей» (Богословский вестник. Март–апрель. 1897). Там же он писал, что «к прискорбию, знание классических языков в семинариях ныне не столько высоко (а может быть, и настолько невысоко), что о... преподавании Нового Завета в настоящую пору и мечтать тщетно». Если это писано о старых семинариях, то что же мы можем сказать о современных? Радует уже хотя бы тот факт, что новые учебные программы уделяют лингвистическим предметам больше внимания.

Для развития любой науки, в том числе библеистики, необходим также материальный фундамент. Сейчас он едва заметен, но разве мы не уповаем на лучшее? Необходима также поддержка священноначалия. И мы радуемся тому, что по инициативе и при покровительстве Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II в августе 1999 г. возобновила свою деятельность Патриаршая Синодальная Библейская Комиссия. Конкретизируя, можно указать некоторые задачи на ближайшие десятилетия. В области текстологии: перейти от искусственного критического к конкретному историческому тексту. В области исагогики: прояснить прежде всего вопросы авторства. В эгзегетике: критически освоить труды Н. Н. Глубоковского, опубликовать его неизданные работы. Необходимо переводить самые лучшие и известные научные комментарии западных библеистов, а также начать работу над собственным научным и научно-популярным комментарием книг Священного Писания. В герменевтике предстоит серьезная работа над переводами Писания на русский язык и языки других народов, населяющих Россию. Необходимо уделить внимание святоотеческим толкованиям во всем их многообразии, создав своего рода «симфонию», что, в свою очередь, потребует серьезной работы над переводами святоотеческих текстов.

Итак, перед каждым из нас, любящих Слово Божие, простирается море задач. Испросим же Божия благословения ни их достойное исполнение.